

Шу-шу! Шур-шур! — тайнственно доносилось из соседней комнаты. Фриц и Мари сидели в полутёмной спальне и прислушивались. Накануне Рождества их крёстный Дроссельмейер мастерил для них какой-то особый подарок.

Тук-тук! Бам-бам! — разносилось по дому.

Ох, уж этот крёстный Дроссельмейер! Станный он человек. Даже человек.

Мáленького рóста, сýхонький, морщíнки на лицé сéточкой. На лысой, как блестящий шар, головé пúдреный парíк. А вмéсто прáвого глáза — чёрная, но совсём не стрáшная повязка. И éтот некрасíвый мáленький человек был большím искúсником. Кáждый раз дарíл он дéтям необыкновенную игрúшку. То крóхотного кавалéра-шаркунá с выпученными глазáми, то корóбочку-сюрприз, из котóрой со звóном выскáкивает серéбряная птíчка. Интересно, что на éтот раз мастерíт, скíнув жёлтый сюртучóк и надéв голубóй передник, их затéйник крéстный?

Стемнéло. Дéти, прижáвшись друг к дрúгу, прислúшивались к звúкам из гостíной. А там! Там в éтот момéнт родíтели расставляют на отдельном стóлике под ёлкой множество чудесных подарков. Сейчáс, сейчáс распахнúтся двéри, и...

День-день-дилíнь! — пролепетáл серéбряный колокóльчик. Мóжно! Фриц и Марí сорвалíсь с мéста и кíнулись в гостíную. Ах! Посредí кóмнаты, окутанная